

Уланова была

8 января
великой русской
балерине
исполнилось бы
95 лет

Когда же это было? Как будто недавно. Во всяком случае, я помню себя рядом с Галиной Сергеевной Улановой на сцене Большого театра. С фотоаппаратом. Хотелось снять ее без притворства. Без моего притворства. Ибо для Улановой высокое притворство, то есть претворение, и было смыслом жизни. Или смыслом жизни для нее было то, что меряет время? Движение! Впрочем, в нашем случае это одно и то же, потому что оно и было ее искусством. Время стало мерой искусства Улановой.

Балетный театр, как театр вообще, не существует ни до, ни после действия. Плоская бумага и плоский экран бессильны запечатлеть трехмерный мир сцены. Но будь даже придумана некая голографическая хитрость, все равно — мимо. Великий актер обладает талантом создавать четвертое измерение. Сидя в зале в момент события, ты его чувствуешь. Уланова владела этим даром.

...Мы стояли на сцене, и Галина Сергеевна рассказывала о позорном эпизоде в русской культуре, что произошел на ее и наших глазах. Прах великого русского певца Федора Шаляпина перед перезахоронением на Новодевичьем кладбище партия и правительство запретили отпеть в зале Большого театра: «за что такие почести эмигранту?».

— Стыдно! — говорила Уланова. — Даже хор не пригласили, обошлись пластинкой.

Плоская, как грампластинка, жизнь окружала ее и нас.

Артист, художник, рыцарь движения.

Времена Шаляпина, времена Улановой. Времена Ежова и Сталина, Хрущева и Брежнева — это одни и те же времена. Наше время.

Параллельные движения мертвых (пусть они и дышат) правителей и живых людей не пересекаются. «Пока», — пишу я для оптимизма.

Галина Уланова на фоне зала Большого театра. Случайный снимок. Единственный негатив (потерянный и чудом найденный в день ее кончины) на всю засвеченную пленку, но как будто только этого снимка я и ждал. Здесь, кажется, Уланова похожа на

НОВАЯ ГАЗЕТА
наше представление о ней и на себя самоё.

Публичный образ, который несет человек — актер в особенности, — не всякий раз совмещается с реальным его отражением, скажем, в зеркале.

Возникает некоторое несовпадение красок, какое бывает в скверной печати, и контуры размываются. Возможно, ты подразумеваешь, что изображено, но не видишь это глазами.

Здесь же все четко. Она действительно такая. Как на монете. (Я бы и выпустил монету с ее изображением.) Строгая, аскетичная, твердо определившая, что ей назначено в жизни и как это назначение осуществить. Точнее — осуществлять, потому что, зная направление движения, она не видела его конца. И в этом была Художником. А непрерывность движения была гарантирована тем, что она — Профессионал.

Ее жизнь — вся — была подчинена балету. Даже дома подарки и памятные вещи не раскладывались по полкам, а как бы лежали как попало, чтобы ОЧЕНЬ потом, когда балет уйдет из ее жизни в воспоминание, заняться приведением предметов в ожидаемый ими порядок. Сочувствую вещам. До них так и не дошла очередь.

На Месте лишь гигантское зеркало, необходимое для работы, диван, необходимый для отдыха, автопортрет Анны Павловой как символ предтечи, несколько картин и фотография Греты Гарбо — актрисы, которая привлекала Уланову своим искусством и образом.

Они с Гарбо хотели познакомиться, видимо, чтобы совместить краски, и однажды приблизились настолько, что смотрели друг другу в глаза, но не обменялись ни единым словом. Толпа восторженных поклонников, окружившая дом, где жила Уланова, не дала окруженной своими поклонниками Гарбо приблизиться к двери. Они увидели друг друга через окно. Две большие актрисы не смогли преодолеть препятствие, которое создали своим искусством, и навсегда остались наедине с собственными представлениями о мимолетном визави.

Охраняя себя от чрезмерного общения, они, наверное, испытывали дефицит теплоты. Всемирная любовь через стекло ее не компенсирует.

Эта фотография Улановой — тоже изображение через стекло. Очень чистое, оптическое, ловко сработанное японцами, которые ее боготворили, но все-таки через стекло. И вот получился образ... Я, бродивший с ней по Большому театру в поисках этого образа, свидетельствую, что за ним — живой, обаятельный, тактичный, непритворный как истинный труженик и уважающий чужую работу человек. Небольшая великая женщина, всей своей громадной силой охранявшая свое право на слабость.

Теперь она ушла, а мир ее остался, чуть-чуть измененный ее участием к лучшему.

И квартира осталась — в ней музей, и все в нем подлинно, и все теперь в порядке. Можно зайти в гости.

● Юрий РССТ

Уланова Галина

12.01.05